

Е.Н. Басовская

Возведение... котлована

В 1927 году вышла первая прозаическая книга Платонова — «Епифанские шлюзы», в 1928 — сборник «Сокровенный человек». Автор приобрел литературную известность.

Еще недавно Платонов горячо и искренне верил в революцию, был партийным пропагандистом. И вдруг — будто что-то надломилось в нем, не стало былой уверенности, началась пора мучительных сомнений. В 1929 году Платонов написал рассказ «Усомнившийся Макар» — о мужике, который не может принять жизнь такой, какова она есть.

Рассказ, опубликованный в журнале «Октябрь», попался на глаза недавнему партийному вождю Сталину. Тот счел произведение «идеологически двусмысленным» и подверг безжалостной критике тех, кто не проявил достаточной бдительности и пропустил вредный текст в печать, — исполняющему обязанности ответственного редактора журнала Фадееву и руководителю РАПП Авербаху. Меры были приняты немедленно: Авербах поспешно написал и опубликовал в журнале «На литературном посту» разгромную статью «О целостных масштабах и частных Макарах». Но Платонов был неисправим.

«Усомнившийся» герой оказался и в центре его повести «Котлован», написанной в 1930 году.

В день своего тридцатилетия рабочий Воцев был уволен с завода *«вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда»*. В государстве, где ценятся послушные «нормализованные работники», задумчивость — состояние нежелательное.

Выброшенный из привычной жизни, Воцев ищет себе применение и определяется на большую стройку. Рабочие собираются возвести *«единое здание, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата, — и тот общий дом возвысится над всем усадебным, дворовым городом, а малые одиночные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно остановят дыхание исчахшие люди забытого времени»*.

Этот замысел выглядит фантастическим с точки зрения современного читателя. Для советских людей 30-х подобные грандиозные проекты были делом вполне реальным. Именно тогда задумывалось возвести в Москве колоссальный Дворец Советов, в те годы миллионы людей (одни — в порыве энтузиазма, другие — подневольно) трудились на строительстве городов, каналов, электростанций. Многие объекты проектировались и даже возводились вопреки природным условиям, а вместо высоких технологий применялся изнурительный труд огромных людских масс. Идея единого пролетарского дома у Платонова гиперболична, но в то же время проникнута глубоким реализмом. Точь-в-точь такого проекта не существовало, но по духу он абсолютно созвучен эпохе великих пролетарских строек.

Мир, который рисует Платонов в «Котловане», удивительным образом сочетает в себе утопические и антиутопические черты. Это не такая откровенная антиутопия, как в романе Замятина «Мы». Платонов не утверждает, что путь, выбранный его героями, плох. Их энтузиазм и самоотверженность неподдельны. Да и люди, собравшиеся на строительстве, в большинстве своем добры и порядочны. Даже инвалид Жачев, грубо вымогающий еду у профсоюзного деятеля Пашкина, сразу же смягчается, когда в барак попадает девочка-сирота Настя. Нежное и заботливое отношение рабочих к ребенку доказывает, что они, несмотря на недостаток культуры, наделены живыми и тонкими душами.

Но мир, населенный этими людьми, скорее антиутопичен, нежели утопичен. Платонов в подробностях изображает убожество барачного существования, тяготы каждоднев-

ного непосильного труда, жестокость коллективизации, в которой рабочие участвуют, чтобы ускорить строительство социализма в деревне. Да и главному замыслу не суждено осуществиться. Вместо единого пролетарского дома будет вырыт огромный котлован, а в нем рабочие похоронят умершую от простуды Настю. Девочка, символ будущего, воплощение душевной чистоты и всеобщей любви, сначала живет в гробу (другой кровати для девочки в бараке не находится), а потом гибнет. Значит, не только взрослые, но и ребенок, ради счастья которого они трудятся, никогда не увидит воплощения великой мечты.

Платонов обладал уникальной способностью описывать вещи, далекие от реальности, но при этом оставаться реалистом. Он точен не в мелочах, не в подробностях быта, а в анализе глубинных социальных и психологических процессов. «Котлован» — книга о так называемом «социалистическом», а в действительности — тоталитарном обществе, которое возникло в нашей стране в годы правления Сталина и в несколько измененном виде просуществовало до конца 80-х годов XX века. Поразительно, насколько рано Платонов обнаружил основные тенденции развития сталинского режима и как точно предсказал его перспективы.

Важнейшие черты казарменного «социализма» можно изучать по повести «Котлован», почти не обращаясь к учебникам истории и обществоведения.

Страна населена нищими, которым нечего терять. Эти люди слиты в обезличенную массу: *«Какое я тебе лицо? – сказал Чиклин. – Я никто, у нас партия — вот лицо!»*

Строители социализма способны на любые жертвы ради далеких и неясных целей. Они давно отвыкли желать и тем более требовать чего-либо для себя. Их потребности мини-мальны: скудная пища, крыша над головой, лохмотья вместо одежды. Зато они охотно внимают прекрасным историям о будущем счастье.

Совершенно иную жизнь ведут немногочисленные «избранные», те, кому поручено руководить массами. Инженер Прушевский, председатель окружного профсоюзного совета Пашкин и прочее начальство спят не в бараках, а в своих домах; для них есть и нормальная одежда, и сытная еда.

Чтобы социальные контрасты не бросались в глаза и не вызвали рано или поздно законного гнева полуголодных толп, официальная идеология постоянно насаждает в сознании трудящихся образ врага. Тоталитарное государство пропитано классовой ненавистью. Его гражданам изо дня в день повторяют, что они окружены внешними и внутренними врагами. В начале 30-х главным объектом ненависти были зажиточные крестьяне — кулаки.

В «Котловане» именно кулаки и становятся воплощением зла. Они лишают жизни направленных в деревню сознательных рабочих Козлова и Сафронова. В ответ сельский активист и пролетарий Чиклин убивают двоих крестьян. Никакого следствия не ведется, и жертвы отщепенца выбраны чуть ли не случайно.

«— Того я закончил, — объяснил Чиклин. — Думал, что стервец явился и просит удара. Я ему дал, а он ослаб.

— И правильно: в районе мне и не поверят, чтоб был один убиец, а двое — это уж вполне кулацкий класс и организация!»

В исследовательской литературе отмечалось, что Платонов вольно или невольно вступил в дискуссию со Сталиным, опубликовавшим в 1929 году статью «Год великого перелома». Партийный вождь отмечал, что крестьяне по доброй воле целыми деревнями, районами и округами идут в колхозы. Платонов же изобразил коллективизацию как погром, учиненный в деревне несколькими фанатичными активистами при поддержке чужаков-рабочих.

Нищий и жестокий мир тоталитарного государства по-своему гармоничен. Люди, верящие каждому слову пропаганды, счастливы, потому что не сомневаются в том, что приносят пользу. Только безусловные враги могут сомневаться в том, что все происходящее в стране не идет ей на пользу. Кулак, чей дом разоряют идейные рабочие, в отчаянии

кричит им: *«Ликвидировали?.. Глядите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек!»*

Но строители светлого будущего воспринимают эти слова как угрозу, произнесенную в бессильной ярости. Приобщенность к великим историческим деяниям доставляет им удовольствие, которое заменяет собою обыкновенные человеческие радости.

«Всю ночь сидел активист при непогашенной лампе, слушая, не скачет ли по темной дороге верховой из района, чтобы спустить директиву на село. Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей. Редко проходила ночь, чтобы не появлялась директива, и до утра изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого действия».

Чтобы внушение было мощным и распространялось на всех, власть создала особый язык. Слова выбираются и соединяются так, чтобы получатель сообщения понял как можно меньше. Он должен, не вникая в содержание, испытывать волнение от ощущения важности текста. Странные словосочетания, громоздкие фразы, мелькание одних и тех же политических лозунгов-заклинаний — все это действует, как гипноз. Сами герои Платонова смутно ощущают, что язык обладает такой магической силой: *«Сафронов знал, что социализм — это дело научное, и произносил слова так же логично и научно, давая им для прочности два смысла — основной и запасной, как всякому материалу».*

Что же противопоставлено в повести Платонова омертвелому миру безрадостных людей, бесполезного труда и пустых слов? Среди людей нет никого, кто не поддался бы отупляющему воздействию пропаганды. Даже девочка Настя, живя среди строителей, перенимает их повадки, манеру говорить, становится маленьким солдатом огромной, не способной самостоятельно мыслить армии.

Обезличенным людям противостоит только природа. Та самая природа, которая так возмущала героя повести «Город Градов». Точно так же относится к ней профсоюзный лидер Пашкин в «Котловане»: *«неужели же детям придется жить... среди неорганизованной природы?»*

«В то утро была сырость и дул холод с дальних пустопорожних мест. Такое обстоятельство тоже не было упущено активом.

— Дезорганизация! — с унылостью сказал активист про этот остужающий вечер природы».

Но как бы ни раздражала природа «идейных товарищей», им не под силу ни понять, ни тем более подчинить ее. И звездная ночь, и снег, и ледяной ветер, и колыхание травы — все это вечно и не зависит от директив из района. В глубины земли опускает Чиклин тело покойной Насти, будто возвращая девочку миру природы, откуда ее вырвали обезумевшие люди. А «усомнившиеся» Воцев опять задумывается:

«Воцев стоял в недоумении над этим утихим ребенком, он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением?»

Так замыкается круг, пройденный Воцевым: от сомнения — в пламенной вере в коммунизм — и опять к неверию и растерянности. Нечто подобное пережил и писатель, который в юности обрел, казалось, смысл существования в работе на благо социализма, но вскоре стал изгоем среди бездумных строителей светлого завтра.